

Владимир Павлович Эфроимсон:

Я призываю вас – помните о том, что я сказал вам сегодня. Помните! Помните!

В.П. Эфроимсон: *«Великий учёный, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов не погиб. Он сдох. Сдох, как собака в саратовской тюрьме... И надо, чтобы все, кто собрался здесь, знали и помнили это...».*

Где-то, когда-то я слышал или читал об этом «скандальном» выступлении выдающегося советского генетика, автора знаменитых книг «Генетика гениальности», «Генетика этики и эстетики» и памятной ещё из 70-х гг. новомировской статьи «Родословная альтруизма», дважды узника ГУЛАГа (в 30-х и 50-х гг.) Владимира Павловича Эфроимсона (1908-1989) (см. о нём хоть в «Википедии», хоть в историко-научном очерке, хоть в интервью с самим В.П., хоть в статье С. Шноля «Неистовый Эфроимсон») – на обсуждении в Политехническом музее документального фильма «Звезда Вавилова» в 1985 г.

И вот, одна из коллег сегодня напомнила мне об этом событии, переслав фрагмент из эссе Елены Кешман (Изюмовой) «Ветвь человеческая», посвящённого В.П. Эфроимсону.

Воспроизведу здесь этот фрагмент: «...Владимир Павлович говорил о себе довольно часто: *«Вообще-то я трус, но я не могу молчать, когда творится несправедливость».* Но надо было видеть Эфроимсона зимой 1985 года, чтобы правильно понять эти слова... В тот вечер в Политехническом музее московской «научной общественности» впервые показали очень смелый по тем временам фильм «Звезда Вавилова».

После просмотра фильма на сцену Политехнического музея вышли известные отечественные учёные. Они уселись вдоль длинного стола, из-за которого по очереди поднимались, выходили к трибуне и говорили о фильме... Они произносили какие-то вялые, округлённые фразы о трагической судьбе Вавилова, не говоря, в чём же трагизм судьбы. Они бормотали что-то о каких-то «злых силах», не называя этих сил... Были сказаны слова об «очень большой несправедливости» (в общем, смерть нестарого человека – всегда несправедлива)... Видно было, что все ораторы чувствуют свою смелость и гордятся и собой, и создателями фильма, и тем, что всё это происходит не во сне, а в реальной жизни... И после всего этого, когда все ораторы уже выступили, Владимир Павлович, которого никто выступать не приглашал, вырвался на сцену, и кивнув академику Раппопорту (он уважал его и всегда восхвалял смелость и отвагу Иосифа Абрамовича), произнёс, вернее – прокричал в микрофон, оглушая зал, – жуткие, страшные слова.

То, что он говорил, ввергло присутствующую в зале «московскую научную интеллигенцию» в столбняк. Это был шок. Я хочу привести слова Владимира Павловича Эфроимсона полностью.

«Я пришёл сюда, чтобы сказать правду. Мы посмотрели этот фильм... Я не обвиняю – ни авторов фильма, ни тех, кто говорил сейчас передо мной... Но этот фильм – неправда. Вернее – ещё хуже. Это – полуправда. В фильме не сказано самого главного. Не сказано, что Вавилов – не трагический случай в нашей истории. Вавилов – это одна из многих десятков миллионов жертв самой подлой, самой бессовестной, самой жестокой системы. Системы, которая уничтожила, по самым мягким подсчётам, пятьдесят, а скорее – семьдесят миллионов ни в чём не повинных людей. И система эта – сталинизм. Система эта – социализм. Социализм, который безраздельно властвовал в нашей стране, и который и по сей день не обвинён в своих преступлениях. Я готов доказать вам, что цифры, которые я называю сейчас, могут быть только заниженными.

Я не обвиняю авторов фильма в том, что они не смогли сказать правду о гибели Вавилова. Они скромно сказали – «погиб в Саратовской тюрьме»... Он не погиб. Он – сдох! Сдох как собака. Сдох он от пеллагры – это такая болезнь, которая вызывается абсолютным, запредельным истощением. Именно от этой болезни издыхают бездомные собаки... Наверное, многие из вас видели таких собак зимой на канализационных люках... Так вот: великий учёный, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох как собака в саратовской тюрьме... И надо, чтобы все, кто собрался здесь, знали и помнили это...

Но и это ещё не всё, что я хочу вам сказать...

Главное. Я – старый человек. Я перенёс два инфаркта. Я более двадцати лет провёл в лагерях, ссылке, на фронте. Я, может быть, завтра умру. Умру – и кроме меня вам, может быть, никто и никогда не скажет правды. А правда заключается в том, что вряд ли среди вас, сидящих в этом зале, найдётся двое, трое людей, которые, оказавшись в застенках КГБ, подвергнувшись тем бесчеловечным и диким издевательствам, которым подвергались миллионы наших соотечественников, и продолжают подвергаться по сей день лучшие люди нашей страны, – вряд ли найдётся среди вас хоть два человека, которые не сломались бы, не отказались бы от любых своих мыслей, не отреклись бы от любых своих убеждений... Страх, который сковал людей – это страх не выдуманный. Это реальный страх реальной опасности. И вы должны это понимать.

До тех пор, пока страной правит номенклатурная шпана, охраняемая политической полицией, называемой КГБ, пока на наших глазах в тюрьмы и лагеря бросают людей за то, что они осмелились сказать слово правды, за то, что они осмелились сохранить хоть малые крохи своего достоинства, до тех пор, пока не будут названы поимённо виновники этого страха, – вы не можете, вы не должны спать спокойно. Над каждым из вас и над вашими детьми висит этот страх. И не говорите мне, что вы не боитесь... Даже я боюсь сейчас, хотя – моя жизнь прожита. И боюсь я не смерти, а физической боли, физических мучений...

Палачи, которые правили нашей страной, – не наказаны. И до тех пор, пока за собачью смерть Вавилова, за собачью смерть миллионов узников, за собачью смерть миллионов умерших от голода крестьян, сотен тысяч военнопленных, пока за эти смерти не упал ни один волос с головы ни одного из палачей – никто из нас не застрахован от повторения пройденного... Пока на смену партократии у руководства государства не встанут люди, отвечающие за каждый свой поступок, за каждое свое слово – наша страна будет страной рабов, страной, представляющей чудовищный урок всему миру...

Я призываю вас – помните о том, что я сказал вам сегодня. Помните! Помните!»

Это – декабрь 1985 года. Я спросила его, когда мы плелись от Политехнического к метро «Дзержинская», – почему он так кричал в микрофон? Он ответил: «Я боялся, что меня и на этот раз не услышат...»

В зал Политехнического музея вмещается не очень-то много людей. Несколько сотен. Но то, что происходило на глазах этих нескольких сотен людей, можно назвать подвигом...

Правда, можно было назвать и по-другому.

Через несколько месяцев я обратилась к одному из советских генетиков, о котором Владимир Павлович всегда отзывался с огромной симпатией... Обратилась по делу, за помощью в очередных издательских делах Эфроимсона... И услышала от генетика-академика, директора большого института: *«Вы понимаете, Владимир Павлович – человек, конечно, замечательный... Но он, как бы вам сказать... Вы ведь слышали его выступление в Политехническом? Ну вот... Он всё же не совсем... Не совсем нормальный... Конечно, у него была такая тяжёлая жизнь. Но всё-таки, так нельзя... Вы ведь понимаете?»*.

Понимала ли я его? Да, вполне. Для этого достаточно было сравнить судьбу этого академического учёного с судьбой Владимира Павловича.

Выступление в Политехническом было безумным... по степени своей смелости, откровенности. Очередной «безумный» поступок Эфроимсона... Можно ли и его понять в пределах нашего простого человеческого разума? Это – уже за порогом земных счетов... Для нормального советского академика Эфроимсон конечно был ненормален».

Этот эпизод описывается и в книге сына академика Н. И. Вавилова – **Юрия Вавилова** «В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых» (М.: ФИАН, 2004. Второе издание – 2008). Вот – извлечение из этой книги:

«...По инициативе ряда московских учёных, в декабре 1985 г. в Центральной лектории Всесоюзного общества «Знание» в Политехническом музее происходила демонстрация и обсуждение фильма «Звезда Вавилова». После демонстрации фильма в полностью заполненном публикой зале происходило обсуждение, в котором приняли участие видные учёные, сидевшие за длинным столом на сцене Политехнического музея.

После выступления всех ораторов на сцену выбежал известный генетик Владимир Павлович Эфроимсон. В.П. Эфроимсон был одним из самых смелых борцов с лысенковской лженаукой. За борьбу с Лысенко Эфроимсон был в 1949 г. вторично арестован и находился в тюрьме вплоть до 1955 г.

Во время своего выступления Владимир Павлович был очень взволнован и буквально прокричал свою речь в микрофон. Эта речь была записана на диктофон. Вот её полный текст...» (см. выше. – А. А.).

Я обращаю внимание посетителей портала *Когита.ру* на эту историю и на это слово-поступок человека необыкновенного мужества, таланта и совести, «чтобы помнить» – и то, о чём он говорил, и его самого. Такие тексты, как речь В. Эфроимсона в Политехническом музее 1985 года, надо иногда перечитывать. Как надо перечитывать «Не могу молчать!» **Л. Толстого** или «Жить не по лжи» **А. Солженицына**.

Андрей Алексеев, социолог. 25.09.2012

<http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1/abpomnite-pomnite-bb>

<http://rpczmoskva.org.ru/russko-sovetskaya-vojna/vla%C2%ADdimir-pavlovich-efroimson-ya-prizyvayu-vas-pomnite-o-tom-cto-ya-skazal-vam-segodnya-pomnite-pomnite.html#more-13369>

